

М.В. Салимгареев

ОБРАЗЫ РИМСКИХ СТОИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. МОДЕСТОВА

Делается попытка рассмотреть трактовки и аллюзии В.И. Модестова в его оценке стоического наследия. Проанализированы работы ученого, посвященные образам Сенеки и Марка Аврелия. Несмотря на некоторые противоречия их идей, В.И. Модестов вдохновляется этими римскими стоиками. Автор приходит к заключению, что В.И. Модестов, рассматривая примечательные стороны учения и жизни этих римских стоиков, актуализирует проблему духовных скреп российского общества в условиях модернизации 70–80-х гг. XIX в.

Ключевые слова: В.И. Модестов; Марк Аврелий; Сенека; стоицизм; этика; античная литература; христианство.

Василий Иванович Модестов (1839–1907 гг.) – один из основоположников русской исторической науки об Античности. Закончив Санкт-Петербургский университет и получив степень магистра, он в 1864–1867 гг. преподавал в Новороссийском университете в Одессе. С 1867 по 1868 г. работал в Казанском университете, защитив здесь докторскую диссертацию «Римская письменность в период царей» (1868). После небольшого перерыва В.И. Модестов в Киеве параллельно читает лекции в местном университете и духовной академии. В 1878–1879 гг. становится профессором Петербургской духовной академии, а в 1886–1889 гг. – Петербургского университета. В 1889–1893 – профессор Новороссийского университета, позже уезжает в Италию, где посвятил себя изучению местной истории и занялся археологической деятельностью [1].

Круг его интеллектуальных интересов всегда был связан с классической древностью, не обошел он своим вниманием и представителей позднего стоицизма, к трудам которых обратился в серии просветительско-публицистических очерков [2]. Первым в поле зрения В.И. Модестова попал воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей позднего стоицизма римский ритор Луций Анней Сенека Младший.

В 1872 г. в обстановке нарастающего духовного и социального брожения В.И. Модестов выступает на торжественном акте Университета Св. Владимира в Киеве с речью, посвященной Сенеке и его письмам к Луцилию. Думается, такой выбор историка не был случайным. Письма к Луцилию представляют собой одно из его лучших философских произведений. В них Сенека выступил одновременно и как крупный мыслитель, и как блестящий мастер художественного слога, представивший интересный и оригинальный образец римской эпистографии I в. н. э. Известно, что Сенека это произведение пишет в условиях напряженной социально-политической обстановки. Деятельность императора Нерона, направленная на укрепление власти, вызывала отрицательную реакцию со стороны сенатской аристократии и все более и более обостряла отношения с сенатом. Борьба тирана с сенатской, в том числе стоической оппозицией [3], постоянные политические пертурбации, нестабильность экономической жизни – все это составляло питательную среду для размышлений о моральных и правовых нормах поведения человека. Письма написаны в уже на закате жизни Сенеки, по-видимому, между 60–64 гг. [4. С. 12]. Однако это лишь предположение, точное время написания писем не установлено. Собрание писем к Луцилию состоит из 124 писем, образующих 20 книг, но некоторые свидетельства древних авторов позволяют предполагать, что их было больше [5. С. 85].

В речи В.И. Модестова Сенека предстает идеалом нравственности античной древности. Обращаясь к тексту этих писем, В.И. Модестов замечает, что, несмотря на нравственное падение римского общества эпохи Сенеки, идеям этого стоика присущи особая глубина и интенсивность исканий, они имеют огромный духовный потенциал. Однако историк находит, что позднеримский стоицизм не способен вдохнуть жизнь и возродить общество того времени. Являясь представителем школьной традиции Стои, Сенека считал «добродетель достоянием людей высшей науки и высшего понимания, людей мудрых, философов», которых, как известно, было всегда мало [6. С. 12]. Но главный изъян стоицизма В.И. Модестов усматривал даже не в этом, а в его отвержении «самых естественных чувств человеческой природы» [Там же. С. 21]. Между тем его современникам требовалось нечто иное. «Не гордой, не высокомерной борьбы с судьбой и своей природой требовала наболевшая душа человека: она искала успокоения, утешения, надежды» [Там же. С. 22]. В.И. Модестов был убежден, что обрести утешение можно лишь в христианстве.

Такой взгляд на стоицизм вполне оправдан. Действительно, стоицизм, зародившись в эпоху Эллинизма на стыке Запада и Востока, в условиях ужасов войн, своим появлением означал философский переворот [7. С. 47]. Но способен был выстоять в эру социального хаоса лишь тот, кто следовал тропой углубленной саморефлексии, опираясь на собственный разум. Успокоением и утешением стоицизм мог наградить лишь тех, кто был готов рассчитывать только на себя.

В.И. Модестов обладал незаурядным публицистическим дарованием, много и охотно сотрудничал с различными журналами, такими как «Исторический вестник», «Голос», «Новь», «Филологическое обозрение», «Наблюдатель». Именно в последнем был опубликован его историографический очерк «Марк Аврелий и новая религия», посвященный работе французского историка Э. Ренана «Марк Аврелий и конец античного мира» [8]. Анализируя философскую исповедь этого римского императора, известную под названием «Размышления», В.И. Модестов полагает, что они позволяют читателю «уйти на время от созерцания окружающей нас вакханалии диких и подлых страстей, беспрепятственно разыгрывающихся на наших глазах и в жизни и в печати, от созерцания постоянных оскорблений всего того, что до сих пор составляло лучшую веру и надежду, от этого оглушающего призыва к стадным чувствам нашей природы, от этого прославления холопства, как гражданской доблести, от этого цинического отрицания прав человека на достойное существование» [8. 136]. Вполне оправданно усмотреть в этих строках аллюзии и

параллели с реалиями России конца XIX в. В.И. Модестов увидел в Марке Аврелии вдохновляющий образ «философа на троне», источающего свет «в удушающей атмосфере современной ему российской действительности, заставляющего задуматься «над высшими задачами и целями человеческого существования» [8. 140].

В.И. Модестов не скрывает, что испытывает пиетет перед императором и видит в нем идеального правителя древности. «Бывают на свете, – пишет он, – государи, одушевленные высокими идеями и добрыми стремлениями, но эти идеи и стремления не приносят ожидаемых плодов не только по стечению неблагоприятных обстоятельств, но и потому, что сами государи обладали недостаточно твердым характером или стремление их сделать добро было поверхностно и не составляло свойства их души, не было для них целью жизни, а было, наверно, для них случайным обстоятельством. О Марке Аврелии нельзя сказать ничего подобного» [Там же. С. 141].

Анализируя «Размышления» императора, В.И. Модестов обращает внимание на гуманистическое начало его философии. Мысли Аврелия пронизаны уважением к людям, строгостью к собственным деяниям, постоянным императивом долга. Император не находит ценности ни пустую славу, ни материальные блага, устремляясь к идеалам добра, справедливости, терпения, мужественного человеколюбия, возвышаясь до христианского самоотвержения и прощения врага [Там же].

Русский исследователь XIX в. видит в «Размышлениях» не просто классический текст античной литературы: он убежден, что это вершина мудрости античного сознания, готового принять христианство. Сердечная исповедь философа-императора осуществлялась как душевный порыв во имя требований разума, во имя достоинства человеческой природы, «чувствующей в себе потребность самосовершенствования, приближения к Божеству» [8. С. 141]. Не случайно он уподобляет их «Исповеди» Блаженного Августина [Там же. С. 142].

В содержании удивительного текста «Размышлений» историк обнаруживает не сухие и формально изложенные мысли о нравственности, а императивы поведения и мысли, выстраданные в процессе напряженной внутренней работы. «Душевные порывы» Марка Аврелия естественны и, по мысли В.И. Модестова, перед нами просвещенный властитель, желающий исполнить свое земное предназначение. «Эти возвышенные правила жизни, – отмечает он, – правила чистоты и святости помыслов не заключают в себе ничего догматического, ничего такого, что говорило бы о их внешнем, не зависящем от развития человеческого разума существовании. Они – плод человеческой мысли и изучения, плод человеческой мудрости» [Там же].

В.И. Модестов замечает, что значение этих открытий увеличивается кратно, если отдавать отчет в том, что их автор – человек, в чьих руках в течение почти двух десятилетий находились судьбы мира «История не представляет другого примера государя, который был бы не только просвещенным человеком своего времени, но и живым образцом нравственной чистоты, неусыпного стремления к совершенству на пути идеальной добродетели» [8. С. 143]. Возникает, однако, резонный вопрос: почему появление столь неординарного властителя,

мудреца на троне, словно бы воплотившего в себе платоновский идеал эталонного правителя, не спасло Римскую империю от гибели? Почему появление такого человека было не столько знаком возрождения, сколько предтечей катастрофы, словно она была подготовлена его правлением? В этом, по мнению историка, состоит уникальность исторической ситуации II в. н. э. и периода императорства Марка Аврелия. «Мы воочию видим, как мало обнаруживают влияния на ход судеб человечества отдельные личности, как неумолимо в общественной жизни действие исторического закона и как самые мудрые люди, не понимая этого закона, действуют наперекор ему и тем как бы ускоряют его шествие или, по крайней мере, делают это шествие более бурным и решительным» [8. С. 144].

Очерченный В.И. Модестовым образ римского императора благостен и окружен ореолом добродетелей. Он мудр, справедлив, гуманен. Предмет общей любви, одновременно допустивший гонения на христиан. Пытаясь оправдать кумира, историк полагает, что он, Марк Аврелий не был инициатором гонений, ведь этот политический курс достался ему в наследство. Римский император продолжал политику побуждения уважения к закону и государству. «Политика эта требовала поддержания старых римских традиций, требовала водворения спокойствия в провинциях, требовала, наконец, строгого исполнения предписаний закона и правительственных распоряжений, как иначе и не может быть в государстве благоустроенном» [Там же. С. 145]. И вот здесь, на наш взгляд, обозначена непростая проблема соотносительности личности и государства. Каким бы мудрецом правитель ни был, государство любой момент может подчинить себе самую добродетельную личность, заставляя ее совершать бесчеловечные деяния. Возможно, именно поэтому нельзя полностью оправдать Марка Аврелия, как это делает Э. Ренан. «Марк Аврелий не был двигателем гонений, – пишет В.И. Модестов, – он, по всей вероятности, не одобрял обнаруживавшейся временами жестокости к этому населению со стороны местных властей; но он ее терпел, допускал, не ограничивал законодательным актом, хотя, быть может, и стремился к смягчению ее на практике» [Там же. С. 147].

Такая позиция В.И. Модестова обусловлена либеральными убеждениями историка и неприемлемостью современного ему курса государственной власти, которая, заметим, пыталась путем преобразований приглушить социальные антагонизмы российской действительности. В этом отношении примечательно рассуждение, связанное с характеристикой эпох упадка империй. «Никакое государство не в состоянии выдерживать возрастающее оскудение жизненных сил, на какое осуждает его систематическое уклонение от участия в его жизни многочисленного класса граждан, не желающих иметь ничего общего с его учреждениями, деятельностью и заботами» [8. С. 148]. Возможно, Модестов не усматривал аналогии между гонимыми Марком Аврелием древними христианами и притесняемым населением российской империи. Однако исторические параллели вполне очевидны.

Очевидно, позднеримский стоицизм в компоненте его нравственного содержания представлял собой, по мнению Модестова, узкое по социальной подоплеке учение,

не имея шансов на нравственный переворот. «Ряд представителей стоицизма, – пишет Модестов, – не мог быть многочисленным, ибо никогда масса общества не была способна заниматься метафизическими тонкостями, убедительно говорящими разуму, но не действующими на чувство и воображение» [Там же. С. 152].

В «Лекциях по истории римской литературы», ставших «единственным для того времени опытом обобщения научной истории римской литературы на русском языке», В.И. Модестов анализирует литературное и философское наследие Сенеки [9. С. 177]. Оценивая личность и творчество этого римского философа, он заключает: Сенека принадлежит «к замечательнейшим явлениям в истории человеческого развития и заслуживает внимательного изучения и как человек, и как писатель» [10. С. 602]. При всех недостатках Сенека является первостепенным писателем римской литературы. Едва ли кто из латинских писателей после Цицерона и Вергилия пользовался «как среди современников, так и в отдалённом потомстве такую славой имел столь громкое имя, как Сенека» [Там же].

В.И. Модестов пытается оградить личность и творчество Сенеки от некорректных оценок, полагая, что «стремление чернить замечательных людей, произносить суждение об их общественном, ученом и литературном значении на основании дошедших до нас слетней о частной жизни человека, это стремление без сомнения, одно из печальнейших явлений нашей литературной жизни и очевидное свидетельство недостаточности нашего общественного и литературного развития» [10. С. 603].

Он переносит акцент с внешней критики работ на их философские идеи, отмечая их созвучность христианской нравственности. Это делает Сенеку популярным и в последующие эпохи. Его взгляды в дискурсе нравственных императивов поведения, оценка Сенеки светилами европейской образованности «утвердили за римским философом то высокое место в нравственной философии, которое у него не может отнять и наше время, равнодушное ко всякой, а тем более к нравственной философии» [Там же. С. 630].

Вчитываясь в фрагменты римского стоика, проникаешься убеждением в его близости не только к христианской этике. «Если высокая душа чужда волнений, – пишет Сенека, – пренебрегает всем, словно все для нее ничтожно, если ей смешны наши страхи и стремления, – значит, ею движет небесная власть. Ничто столь великое не может существовать без поддержки божества. И выходит, что большей своей частью эта душа принадлежит тому миру, откуда низзошла» [11. С. 92]. Однако первое впечатление обманчиво. Христианство в его религиозной философии пронизано верой в сверхъестественные проявления Бога, оно иррационально и зиждется на уповании на небесную милость, в то время как философия Сенеки и этика стоицизма, в сущности, рациональна и утилитарна.

Главная установка стоического мудреца – стремление к безмятежности и непоколебимой уверенности в са-

мом себе. Мудрый счастлив потому, что не зависит от других, не ожидая милости ни от судьбы, ни от людей. Он «превосходит бога: тот избавлен от страха благодаря природе, а этот – благодаря себе самому» [10. С. 53]. Сенека рационалист, он призывает любить разум, поскольку только эта любовь даст «оружие против жесточайших испытаний» [11. С. 142]. Наверное, можно найти сентенции Сенеки, в которых близость христианству будет более очевидной. И все же перед нами не религиозный философ эпохи патристики или более позднего времени; перед нами рационально мыслящий римский философ-стоик, не ведающий понятия Бога и ничего не подозревающий о спасении души.

Довершает стоическую тематику в творчестве В.И. Модестова статья «Эпикуреизм и современный интерес к нему» [12]. В ней нет анализа стоических идей, однако общая характеристика эллинистической философии высвечивает моменты авторской интерпретации философских школ эпохи древности. Как отмечает В.И. Модестов, в новых исторических условиях требовалась новая философия, которая «должна была дать человеку средство стоять на ногах среди общего крушения прежних основ гражданской жизни и, если можно, доставить ему внутреннее счастье» [Там же]. Приведенная характеристика, как и предыдущие, служит основанием для вывода, что в своей оценке философии эллинизма и стоицизма в частности В.И. Модестов исходил из интенций, порожденных нравственным духом современной ему эпохи. 70–80 гг. XIX в. с натиском народнического экстремизма, «колотящего брожения» и изменения всех сторон общественной жизни, составили целую эпоху. Эти процессы порождали нестабильность, угрожая традиционным моральным скрепам общества. Это заставляло просветителей, подобных В.И. Модестову, обращаться к созвучным эпохам минувшего в поисках актуальных примеров, которые могли побудить российское общество к поиску иных основ общежития и нравственного поведения.

Обращение к образам стоиков в интерпретации В.И. Модестова неотделимо от их связи с христианством. И Сенека, и Марк Аврелий как представители римского стоицизма связаны с новой для древнего мира религией. Они олицетворяют вершину античной мудрости, готовой принять христианство, и все же они находятся в другой исторической и культурной плоскости. Сенека не знает личного Бога, он далек от мистики ранних христиан, а Марк Аврелий выступает их гонителем. Стоицизм направляет усилия своих адептов к нравственному совершенствованию, но по причине крайнего рационализма и индивидуалистической направленности неприемлем для общества, готового принять иррациональность постулатов христианства. Однако несовпадения, нестыковки учения стоиков и принципов христианства не мешают В.И. Модестову восхищаться образами античных мудрецов, призывая к этому современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздов Н. Памяти проф. В.И. Модестова. Очерк жизни и ученой деятельности его // Труды Киевской духовной академии. 1907. № 6. С. 217–274.
2. Салимгареев М.В. Осмысление стоического наследия профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов во второй половине XIX – начале XX в. // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия : Всерос. науч. конф. Казань, 13–14 октября 2009. Казань : Казанский государственный университет, 2009. С. 277–280.

3. Кочеров С.Н. Стоическая оппозиция в римском сенате (Опыт морального сопротивления тирании) // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы : межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород : НГПИ им. М. Горького, 1991. С. 78–93.
4. Краснов П.Л. Анней Сенека, его жизнь и философская деятельность. (Серия «Жизнь замечательных людей. Биографическая б-ка Ф. Павленкова»). СПб., 1895. 77 с.
5. Кузнецова Т.И. «Письма к Луцилию» Сенеки-философа // Античная эпистография. Очерки. М. : Наука, 1967. С. 81–112.
6. Модестов В.И. Философ Сенека и его письма к Луцилию. Киев, 1872. 38 с.
7. Жигунин В.Д. Древность и ее место в историческом процессе (Пять лекций в Самаре). Самара : Самар. ун-т, 1996. 69 с.
8. Модестов В.И. Марк Аврелий и новая религия // Наблюдатель. 1882. № 3–4. С. 107–133.
9. Шофман А.С. В.И. Модестов как историк Античности // История и историки. Историкографический ежегодник. 1975. М. : Наука, 1978. С. 173–190.
10. Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. 490 с.
11. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М. : Наука, 1977. 384 с.
12. Модестов В.И. Эпикуреизм и современный интерес к нему // Русская мысль. 1890. № 3. С. 41–57.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 25 сентября 2015 г.

IMAGES OF THE ROMAN STOICS IN THE WORKS OF V.I. MODESTOV

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 134–137. DOI: 10.17223/15617793/400/21

Salimgareev Maxim V. Kazan State Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: msalimga.dis@gmail.com

Keywords: V.I. Modestov; Marcus Aurelius; Seneca; stoicism; ethics; ancient literature; Christianity.

The article deals with the interpretation and allusions of V.I. Modestov in his assessment of the Stoic heritage. The works of the scholar devoted to the images of Seneca and Marcus Aurelius are analyzed. Studying the *Reflections* of Marcus Aurelius, V.I. Modestov draws attention to the humanistic principle of his philosophy. Thoughts of Aurelius are full of respect for people, severity to his own deeds, a constant imperative duty. The Emperor did not find vain glory or wealth precious, tending to the ideals of goodness, justice, patience, courageous humanity, and even rising to the Christian self-sacrifice and forgiveness of the enemy. There is, however, a reasonable question: why is the emergence of such an extraordinary ruler, a sage on the throne, as if embodying the Platonic ideal of a model ruler, did not save the Roman Empire from destruction? This, according to historians, is the uniqueness of the historical situation of II century AD and the period of Emperor Marcus Aurelius. On the example of the ancient ruler, we see the relentless action of historical law, which even an enlightened and exalted person cannot break. Acting contrary to the course of the historical process, like Marcus Aurelius did, they only make it more rapid. Contoured by V.I. Modestov, the image of the Roman emperor is the goodness of his virtues. He is wise, just, humane. The subject of mutual love, he, however, allowed the persecution of Christians. Trying to justify the "idol", the historian believes that Marcus Aurelius did not initiate it, because he inherited these political "guidelines". However, this is why one cannot fully justify Marcus Aurelius, because he could somehow mitigate the plight of Christians, but did nothing for it. The contradiction of the internal and external sentiments of the Emperor indirectly casts a shadow on Stoicism itself, which, according to V.I. Modestov, represents a doctrine with a narrow social background that has no chance of a moral revolution in ancient Roman society. A similar situation is observed with the famous educator of Nero, Roman Stoic philosopher Lucius Annaeus Seneca the Younger. Turning to his letters to Lucilius, V.I. Modestov notes that despite the moral decline of the Roman society at the time of Seneca, the Roman Stoic ideas have a special depth and intensity of pursuit, they have a great spiritual potential. However, the historian finds that the Stoicism of the Roman philosopher cannot give life and revive the society of the time. V.I. Modestov believes that Stoicism leads its followers to moral perfection, but because of extreme rationalism and individualistic orientation it is unacceptable to society ready to accept the irrational tenets of Christianity. However, discrepancies, inconsistencies of the Stoicism doctrine and the Christianity principles do not stop V.I. Modestov in his admiration of the images of the ancient sages, and he calls for his contemporaries to do the same. The author concludes that V.I. Modestov, by considering the remarkable aspects of the life of the Roman Stoics and their doctrines, updated the moral issues in the context of the problems of Russian society of the 1870s and 1880s.

REFERENCES

1. Drozdov, N. (1907) Pamyati prof. V.I. Modestova. Ocherk zhizni i uchenoy deyatel'nosti ego [In memory of Prof. V.I. Modestov. Essay on his life and research]. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*. 6. pp. 217–274.
2. Salimgareev, M.V. (2009) [Understanding the stoic heritage by a professional community in the humanities, social sciences in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Soobshchestvo istorikov vysshey shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya* [The Community of historians of higher education in Russia: scientific practice and educational mission]. All-Russian Scientific Conference. Kazan. October 13–14, 2009. Kazan: Kazan State University. pp. 277–280. (In Russian).
3. Kocherov, S.N. (1991) Stoicheskaya oppozitsiya v rimskom senate (Opyt moral'nogo soprotivleniya tiranii) [Stoic opposition to the Roman senate (experience of moral resistance to tyranny)]. In: Kuznetsov, E.V. & Strogetskiy, V.M. (eds) *Antichnost' i rannee srednevekov'e. Sotsial'no-politicheskie i etnokul'turnye protsessy* [Antiquity and the early Middle Ages. Socio-political and ethno-cultural processes]. Nizhny Novgorod: NGPI im. M. Gor'kogo. pp. 78–93.
4. Krasnov, P.L. (1895) *Anney Seneka, ego zhizn' i filosofskaya deyatel'nost'* [Annaeus Seneca, his life and his philosophical work]. St. Petersburg: Tipografiya Vysochayshe utverzhd. tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za.
5. Kuznetsova, T.I. (1967) "Pis'ma k Lutsiliyu" Seneki-filosoфа ["Letters to Lucilius" of philosopher Seneca]. In: Kuznetsova, T.I. et al. *Antichnaya epistolografiya. Ocherki* [Antique epistolography. Essays]. Moscow: Nauka.
6. Modestov, V.I. (1872) *Filosof Seneka i ego pis'ma k Lutsiliyu* [Philosopher Seneca, and his letters to Lucilius]. Kiev: Universitetskaya tipografiya.
7. Zhigunin, V.D. (1996) *Drevnost' i ee mesto v istoricheskom protsesse (Pyat' lektsiy v Samare)* [The antiquity and its place in the historical process (Five lectures in Samara)]. Samara: Samara State University.
8. Modestov, V.I. (1882) Mark Avreliy i novaya religiya [Marcus Aurelius and the new religion]. *Nabhyudatel'*. 3–4. pp. 107–133.
9. Shofman, A.S. (1978) V.I. Modestov kak istorik Antichnosti [V.I. Modestov as a historian of antiquity]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik 1975* [History and historians. Historiographical yearbook]. Moscow: Nauka.
10. Modestov, V.I. (1888) *Lektsii po istorii rimskoy literatury* [Lectures on the history of Roman literature]. St. Petersburg: Izdanie L.F. Panteleva.
11. Seneca, L.A. (1977) *Nravstvennyye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilius]. Moscow: Nauka.
12. Modestov, V.I. (1890) Epikureizm i sovremennyy interes k nemu [Epicureanism and modern interest in it]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 41–57.

Received: 25 September 2015